

14. Modi, J. J. The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees / J. J. Modi. – Bombay : British India Press, 1922. – 484 p.
15. Taillieu, D. Haoma i. Botany / D. Taillieu // Encyclopaedia Iranica [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <http://www.iranica.com/articles/haoma-i>. – Date of access : 25.09.2017.
16. Thompson, G. Soma and Ecstasy in the Rgveda / G. Thompson // Electronic Journal of Vedic Studies [Electronic resource]. – 2003. – Vol. 9, № 1. – Mode of access : <http://www.ejvs.laurasianacademy.com/ejvs0901/ejvs0901e.txt>. – Date of access : 27.04.2013.
17. Wasson, R. G. Soma: Divine Mushroom of Immortality / R. G. Wasson. – New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1971. – 380 p.

Михайлова Т. А.
РГГУ (Москва)

Книга Иудифи: история и псевдоистория

(Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-31-01061

«“Псевдоисторическая реальность” и модусы исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н. э. – III в. н. э.»)

В научной литературе, посвященной Книге Иудифи, среди множества вопросов на первый план обычно выступают две главных проблемы – История и Историчность (History, Historicity). В отдельных главах крупных исследований или в специальных статьях с одной стороны рассматривается момент создания произведения, то есть условия его возникновения и соответственно датировка и приблизительное авторство, с другой стороны изучается вопрос историчности самих описанных событий, проблема их соотнесенности с реальностью и возможности реконструкции истории, стоящей за текстом [5, 26–44; 6, 38–49].

Описанные выше темы оказываются тесно связаны друг с другом. Достаточно долго обсуждался и обсуждается вопрос о том, является ли Книга Иудифи историческим сочинением, и если да, то к какому историческому периоду относить описанные в ней события. В соответствии с этим разнились и датировки самого сочинения, причем в некоторых случаях предполагали историческое ядро, достаточно древнее,

персидской или даже ассирийской эпохи, которое было искажено позднейшими редактурами и наслоениями. К настоящему моменту относительно появления книги господствует мнение, согласно которому текст был создан в Маккавейский (Хасмонеийский) период (середина II в. до н.э.). В качестве подтверждения такой датировки приводится целый ряд доказательств. Среди них есть умышленные, продуманные автором намеки, а есть и случайные, неизбежные приметы времени [Например, 3, 67–131].

Если эта интерпретация принимается как верная, то возникает вопрос о том, как «зашифрованная» история Маккавеев и их гонителя Антиоха IV Эпифана соотносится с событиями, непосредственно изложенными в книге. Сочинение явно носит исторический характер. В отличие от многих библейских сочинений, оно не содержит описания *чуда*, то есть активного божественного вмешательства в действия героев. Все события носят характер очень близкий к реалистическому. Текст провокационно наполнен деталями, указаниями на места, даты, измерения (стен, войск, дней и тп.). Однако при всех различиях в подходах и теориях, исследователи сходятся в одном: историческая ситуация, описанная в повести, является заведомо нереальной. С одной стороны перед нами ассирийская угроза. Народ, с которым иудеям предстоит иметь дело, назван уже в первых строках произведения (1:1 «В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириянами в великом городе Ниневии»), а о его агрессии и масштабных завоевательных планах сообщается уже в начале второй главы. С другой стороны прошедшим фактом для героев является и возвращение из плена, за которым следует и восстановление храма (4:3 «потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом Господень»). В действительности, Ассирия угрожала иудеям в VIII в. до н.э., когда при царе Тиглатпаласаре III и Саргоне II Дамасское и Израильское царства были разгромлены (732 и 722 гг. до н.э.) и попали под ассирийское владычество. Свое место в истории иудеев имеет и царь Навуходоносор. Однако царствовал он не в Ассирии, как утверждает Книга Иудифи, а в Вавилонии с 605 г. по 562 г. до н.э., в то время как

Ассирийская держава не позже 606 г. до н.э. перестала существовать. Именно этот царь в 587/6 г. до н.э. увел тысячи жителей Иерусалима в плен, из которого они смогли вернуться в 539 г. до н.э., когда на этот раз Вавилонию в свою очередь завоевала Персия. Таким образом, картина, в которой возвратившиеся из плена иудеи страдают от нападения Навуходоносора, ассирийского царя – это смешение сразу трех исторических периодов: ассирийского, вавилонского и персидского.

Кроме этого самого яркого несоответствия, в тексте есть и множество других элементов, вроде бы не имеющих отношения к исторической реальности. Так, среди вполне известных топонимов, попадаются и незнакомые названия: Хеллеонская земля (2:23), поток Аврон (2:24), Сур (2:28), Кония, Вельмен, Хова, Эсора (4:4), Киамон (7:3), Ховая и Холла (15:4), возможно, придуманные автором. И конечно, парадоксален тот факт, что главный город, где происходит действие, Ветилуя, остается загадкой для исследователей, и они до сих пор предлагают гипотезы вероятной идентификации.

Как в случае городов, подобным же образом среди реальных народов, встречаются, например, и ни с чем историческим не связанные «сыны Хелеуда» (1:6) и «сыны Рассиса» (2:23). Итак, Навуходоносор не мог быть царем Ассирии после возвращения иудеев из плена, и таким образом становится необходимым найти какое-либо объяснение этому насильственному слиянию нескольких периодов. По мнению исследователей, такое сочетание должно было стать для читателя своеобразным знаком, указанием на вымышленность, а точнее на иносказательность описанного.

Так, Ч. Торри считает, что для современного человека подобным образом звучала бы фраза: «Это случилось, когда Наполеон Бонапарт был королем Англии, а Отто фон Бисмарк царствовал в Мексике» [8, 89–90].

Совершенно аналогичным способом характеризует историчность Иудифи и Р. Дентан, предлагая сравнить начало книги с утверждением, что события происходят во времена «Вудро Вильсона, который был президентом Соединенных Штатов Америки вскоре после конца Второй Мировой войны» [4].

Для русского же читателя, возможно, подобным образом звучала бы фраза «когда Наполеон стал во главе татаро-монгол после победы над Германией».

Невозможно представить себе, что книга написана во времена Навуходоносора. В таком случае, указание на возвращение из плена оказалось бы лишь фиктивным и желательным, а не отражало бы реально совершившийся в прошлом факт, а помещение вавилонского царя в Ассирию стало бы в таком случае странной ошибкой. Гораздо более правдоподобной кажется поздняя датировка, при которой невозможное соединение исторических фактов становится просто художественным приемом. Представить себе здесь неумышленную ошибку автора довольно трудно. Он явно имеет представление об исторических событиях, и в самой книге мы видим, как персонаж Ахиор аммонитянин представляет военачальнику Олоферну краткую историю иудеев, соответствующую истинному положению дел.

Таким образом, нарочитая историчность книги оказывается оторванной от реальности и служит для создания универсального исторического фона, призванного продемонстрировать читателю повсеместность и вневременность истин, провозглашаемых автором. Создатель книги оперирует историческими событиями как конструктором для создания нового образа мощного врага, который тем не менее отчасти уже знаком читателю.

Псевдоисторизм, стилизация под историческое сочинение, выдает себя в повести не только наложением несоединяемых эпизодов истории, но иногда и преувеличенными масштабами. Так, с одной стороны указание на родословную героини (8:1) должно придать реализма повествованию, но беспрецедентно для женского персонажа в Библии расширенный список авторитетнейших предков создает эффект если не совсем комический, то во всяком случае сходный с эффектом исторических несоответствий, а именно – *псевдо*-историчность.

Тем не менее, использование данного приема позволяет автору как бы балансировать на грани между жанрами. Историческая рамка, куда вписаны им фиктивные события, провокационно действует на читателей даже современных, в том числе и научных исследователей. Так, среди

работ, посвященных Иудифи, в частности очень популярна тема реконструкций и поиска прототипов [10]. Обилие городов, указанных в первой половине повести, приводит к появлению попыток проследить по карте точный путь Олоферна, причем подсчеты на одном из участков, например, показывают, что армия должна была преодолеть за три дня расстояние около 500 км.

Также, разумеется, активно ведется поиск прототипов для главных героев: в первую очередь Олоферна, а также Вагоя, Навуходносора и самой Иудифи. Много попыток сделано и для идентификации Ветилуи – города, где происходит действие. Отношение к тексту, как к историческому, буквальное восприятие историко-географических указаний, игнорирование несоответствий и «ошибок» приводят к притянутым результатам, идущим против первоначального замысла автора, намеренно создававшего только псевдореальное пространство, в центре которого стоит несуществующий город Ветилуя. Так, например, были совершены попытки идентификации Ветулии с Сихемом в Самарии по большей части на основе географических указаний о Ветулии [9]. Однако данный подход игнорирует тот факт, что автор, который в других местах множество раз обращается к реальным топонимам, именно здесь использовал фиктивный город, очевидно, намеренно уходя в абстракцию и символичность. Кроме того, такая интерпретация идет в разрез с враждебными высказываниями о сихемитах в самом тексте повести, где героиня берет за образец кровавую резню жителей Сихема, которую устроили там сыновья Иакова Симеон и Левий, мстящие за поругание над своей сестрой Диной.

Таким образом, в данном произведении мы имеем дело не с ошибкой автора, а с литературным приемом, призванным лишь стилизовать сочинение под историческое, а на самом деле создать вневременную символическую повесть [2]. Однако использованный здесь прием создания *псевдо*-исторической реальности, которая, тем не менее, берет за основу реальность настоящую и реконструирует ее нужным образом, оказывается очень сильнодействующим, причем действие это не ослабляется с годами, а только крепнет. Провокационный историзм, продолжающиеся попытки воспринимать

книгу буквально приводят к ослаблению ее символической роли. Доведенная до абсурда историческая интерпретация книги может быть найдена в заметке М. Дмитриева «Ахиодор и Олоферн» [1], где практически в детективной манере предпринимается попытка восстановить события и разоблачить «истинного» убийцу Олоферна.

Литература

1. Дмитриев М. Ахиодор и Олоферн // Техника молодёжи. № 1, 2010. С. 26–28.
2. Шмаина-Великанова А.И. Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб. 2010. С. 467–477.
3. Dancy J. C. 'Judith,' in The Shorter Books of the Apocrypha (Cambridge), 1972.
4. Dentan R.C. The Apocrypha, Bridge of the Testaments. New York: Seabury Press. 1954.
5. Gera D.L. Judith. Commentaries on Early Jewish Literature, 2014.
6. Moore C. Judith. Anchor Bible Series 40; Garden City, New York. 1985.
7. Steinmetzer F. Neue Untersuchung über die Geschichtlichkeit der Juditherzählung. Leipzig. 1907
8. Torrey C. C. The Apocryphal Literature: A Brief Introduction (New Haven. 1945)
9. Torrey C. C. The Site of «Bethulia». Journal of the American Oriental Society 20 (1899). P. 160–172.
10. Zertal A. 'The Reality of the Book of Judith,' Eretz-Israel, 29 161–75. 2009.

Спартак А. А.
БГУ (Минск)

Древнеегипетские обелиски в историографии к. XIX – н. XX вв.

В современной историографии египтологии обелиски рассматриваются как элемент солярного культа [см., например, 11, р. 208]. В первую очередь, культа гелиопольского бога Ра и фиванского бога Амона, в